

ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В ЭПОХУ АЛЕКСАНДРА I

FORMATION OF PATRIOTIC CONSCIOUSNESS IN THE ERA OF ALEXANDER I

*A. Nikolskaya
I. Belanovskaya*

Summary: The article shows that during the reign of Alexander I, government officials began to actively use popular opinion and popular sentiment (cognitive and emotional components of mass consciousness) to formulate policies. The attitude of the nobility and the common people to the Peace of Tilsit is described from the point of view of the value component. It has been proven that the ideology aimed at the formation of anti-Napoleonic patriotism was based on the same theses that were used in the Moscow state to form the People's Militia. It is shown that because of the war with Napoleon, two types of patriotism were formed – state and civil. The goal of state patriotism is to maintain stability within the framework of traditional values. State patriotism uses military victories to form national identity. Civil patriotism in peacetime began to manifest itself in the desire to improve the political system, to benefit the fatherland not only during war, putting the interests of society above the interests of the authorities. Since the practices of non-combat patriotic behavior were not defined in any way within the framework of state patriotism, the problem of forms of patriotic activity in peacetime was at the peak of relevance and led to the Decembrist uprising.

Keywords: patriotism, patriotic consciousness, traditional values, national identity.

Никольская Анастасия Всеволодовна

*Доцент, кандидат психологических наук,
Российский государственный университет
имени А.Н. Косыгина, г. Москва
nikolskaya-av@rguk.ru*

Белановская Ирина Сергеевна

*Российский университет Дружбы Народов
им. Патриса Лумумбы
1032211236@rudn.ru*

Аннотация: В статье показано, что во времена правления Александра I представители власти начинают активно использовать народное мнение и народные настроения (когнитивную и эмоциональную составляющие массового сознания) с целью формирования политики. Описано с точки зрения ценностной составляющей отношение дворянства и простого народа к Тильзитскому миру. Доказано, что идеология, направленная на формирование антинаполеоновского патриотизма, имела в своем основании те же тезисы, которые использовались в Московском государстве для формирования Народного ополчения. Показано, что в результате войны с Наполеоном в России сформировались два вида патриотизма – государственный и гражданский. Целью государственного патриотизма становится сохранение стабильности в духе традиционных ценностей. Военные победы в рамках этого патриотизма формируют национальную идентичность, смещая акценты на подвиги героев в военные годы. Гражданский патриотизм в мирное время стал проявляться в желании совершенствовать политическую систему, принести пользу отечеству не только во время войны, ставя интересы общества выше интересов власти. Поскольку практики небоевого патриотического поведения никак не определялись в рамках государственного патриотизма, проблема форм патриотической деятельности в мирное время оказалась на пике актуальности и привела к восстанию декабристов.

Ключевые слова: патриотизм, патриотическое сознание, традиционные ценности, национальное самосознание.

Первые годы правления Александра демонстрируют классическую «оттепель», с такими ее признаками как реабилитация осужденных, отмена многочисленных запретов времен репрессивной системы, предоставление или возвращение тех или иных свобод. Значительную роль в либеральных реформах того времени играл М.М. Сперанский, предлагавший дать крестьянам свободу без земли, а органы управления составить из законодательных, исполнительных и судебных учреждений, имеющих выборный характер. Деятельность всех трех ветвей контролировал бы Государственный Совет, охраняющий интересы народа. План этот, однако, не соответствовал ни имеющимся политическим средствам, ни действительным потребностям России, и был встречен сановниками в штыки. Нововведения Сперанского не были приняты ни знатью, ни народом. Причиной народного недовольства было повышение

налогов в рамках финансовой реформы Сперанского, чем воспользовались его враги из высшего общества [1].

Интересно, что при осуществлении внутривнутриполитических интриг народное недовольство было использовано как инструмент избавления от конкурента, что говорит о том, что впервые с начала правления Романовых популизм начинает активно использоваться как орудие влияния.

На фоне этих внутренних событий агрессивная политика Наполеона вынуждает Россию выбирать между ролью наблюдателя и активного игрока. Роль наблюдателя могла привести к потере международного влияния. Среди знати возникает логика «за державу обидно», не звучавшая столь активно в предыдущие века. Знать демонстрирует обеспокоенность не только собственным

статусом, что было характерно для нее всегда, но статусом страны. Значительную роль в выборе Россией роли активного игрока сыграл Адам Ежи Чарторыйский, писавший о росте политического значения Франции и падении престижа России, о злословии в великосветских гостиных по поводу политического ничтожества страны. «Россия не могла остаться безучастной зрительницей такого попрания справедливости и международного права, ввиду той роли, которую она наметила для себя в европейских делах», - писал он [2; с.151].

Изменившиеся при Екатерине ценности дворянства, включавшие в себя ценность Отечества и службы ему, заявляли о себе такими призывами. Именно поэтому дворянство с таким разочарованием и осуждением восприняло Тильзитский мир, по итогам которого Россия должна была примкнуть к экономической блокаде Англии. В обмен на это Наполеон фактически подарил России Финляндию. Однако эта завоевательная кампания не встретила общественного одобрения. По мнению А. Зорина [3], такое отсутствие энтузиазма могло быть обусловлено тем, что подобная договоренность с Наполеоном означала, что Россия отняла чужое.

Но не только для элиты мир с Наполеоном был неприемлем. В ходе активной антинаполеоновской кампании 1806 г, направленной на создание народного ополчения, крестьянам рассказывали, что Наполеон – Антихрист. И вдруг Антихрист оказывается союзником России. У народа это вызвало когнитивный диссонанс, который надо было как-то объяснить.

Ю.М. Лотман пишет, что, поскольку переговоры Александра и Наполеона происходили на плоту на реке Неман, то ходил анекдот о разговоре двух мужиков, где один объяснял другому, что сначала Александр крестил Наполеона на реке, а потом заключил с ним мир [4].

Но вторжение в Россию вызвало патриотический подъем во всех слоях населения. И если у элиты еще во времена Екатерины II была сформирована ценность Отечества и его статуса в мире, то в массовом сознании всплеск патриотизма был обусловлен мерами правительства по формированию образа врага.

Армия Наполеона, и он сам в массовой пропаганде провозглашались угрозой православным ценностям и традиционному укладу. Главными тезисами идеологии борьбы с Наполеоном были тезисы о том, что Наполеон – разрушитель веры, а также о том, что у России существует особая миссия по освобождению Европы. В 1812 году стало необходимым формирование представления о справедливом характере войны и способности одолеть врага [5]. И здесь огромную роль сыграли антинаполеоновские проповеди, проводимые в церквях: «Христиане

воины!.. Возопили к вам Отечество и Церковь, угрожаемые от галлов разорением, от галлов, поработивших и утеснивших многие царства и народы, поправших вечную Святыню, осквернивших Божий храмы, проливших реки человеческой крови: и вы для защиты оных облеклись во всея оружия Божия» [6].

Призывы встать на защиту веры не новы. Уже в грамотах Первого ополчения от февраля 1611 года на первый план вышли православные ценности: «...не иного чего ради, но избавы крестьянские.....встать за православную крестьянскую веру и за свою душу стати заодин» [7, С. 297–298]. Ценность миссии России по освобождению Европы также не является чем-то принципиально новым, поскольку еще до времен смуты государственная идеология строилась на идее преемственности от Византии. Идея этой преемственности заключалась в том, что Россия – единственная крупная православная страна, несущая православную миссию, а русские цари назначены Богом, под эгидой которого они правят своим народом и продолжают нести православную идею.

Поэтому нельзя сказать, что антинаполеоновская идеология содержала какие-то принципиально новые тезисы. Наоборот, тезисы эти, почти дословно воспроизводившие вековую идеологию, хорошо укладывались в традиционном массовом сознании.

Принципиально новым явлением общественной жизни стал выпуск московским генерал-губернатором Ф.В. Ростопчиным афиш (лубочных картинок, развешиваемых в Москве повсюду, и воззваний). Ростопчин развернул массовую агитацию среди простонародья, требуя от простолюдинов не просто покорности, но энтузиазма и жертвенности в борьбе с врагом. Этот метод оказался весьма действенным, поскольку создаваемые образы были понятны народу: Наполеон был изображен в виде демона, а его солдаты в виде карликов, наваждений дьявола. Картинки сопровождалась описаниями ужасов вторжения, направленного против русского народа и православной веры [8].

Играла свою роль и периодическая печать. Газета «Северная почта» писала «Некоторые крестьяне, в озлоблении противу Французов, зажгли было собственный свой хлеб на полях, с теми словами: не доставайся же и им. Вот таков дух, оживляющий Россиян! Враги наши весьма ошибутся, ежели думают, что можно им покорить народ истинно Русский!» [9] Газета «Глас русского» выдвигала, с одной стороны, мотив мщения за горящую Москву, а с другой стороны подвергала критике французскую идеологию: «ложные защитники свободы, мнимые герои просвещения не пощадили ничего» [10].

Интересно, что содержание печатной продукции, т.е.

того, что предназначено для людей образованных, делает упор не на поругании святынь, но на неспособности покорить русский народ, создавая одновременно негативное отношение не только к наполеоновской армии, но к французскому народу, французской революции, и даже к деятелям культуры.

Следствием государственной пропаганды патриотизма стало «открытие народа» дворянами. В сражениях с французами дворяне осознали, что крепостные крестьяне также являются патриотами. У верхов возникло чувство единения с простым народом, которое на фоне галлофобии, подтолкнуло их к предпочтению всего русского [11]. Однако галлофобия 1812 г. не привела к созданию национальной общности, подобно тому, как это произошло в революционной Франции [12]. Идеология единой нации возникла в Германии с целью упразднения всех существовавших там монархий и объединения немецкого народа. Такое объединение подразумевало, что если мы один народ, то у нас должны быть одинаковые права. Ничего подобного в России не подразумевалось.

Война внесла свой вклад в откат к консерватизму, усилив ксенофобию. Подобно тому, как после Смуты «верность старине» была возведена в ранг высшей добродетели. Русским людям XVII века хотелось, чтобы всё снова стало как прежде, до Смуты. Новшества Лжедмитрия I породили недоверие ко всему новому; опыт иностранной интервенции усилил подозрительность ко всему чужеземному.

Неслучайно после войны с Наполеоном начинает развиваться националистическая концепция русской истории, в основу которой ложится Смутное время и борьба с поляками. Официальная идеология формирует представление о вековом единстве церкви, царя и русского народа. Однако, по сравнению со смутой, фокус внимания в этой концепции смещен с уникальности православной веры на национальную уникальность, моральное превосходство народа и его духовную связь с государем. Характеризуя российскую политическую культуру того времени, А. Мартин отмечает, что в ней слились националистический компонент и концепция политики как заговора, где на самом верху засели предатели, например, Сперанский или этнически нерусские, например, Барклай де Толли и А. Чарторыйский [13].

Патриотическая пропаганда провоцировала не только ненависть к врагу, но и страх. В обществе распространилась шпиономания. Обыватели в разных городах могли принять незнакомых за шпионов и избить их до смерти. В Петербурге даже вышел запрет частным лицам самовольно хватать прохожих из-за подозрения в шпионаже [14].

Восхваление в рамках патриотизма всего русского было естественным во время войны, но стало нелепым после победы. Консерваторы стали отмечать, что патриотический энтузиазм начал ослабевать, теряя после победы свою актуальность [15].

Помимо галлофобии консерваторы-патриоты выявили враждебным мировоззрением космополитизм, о котором много говорили Монтескье, Кант и Вольтер. А.С. Шишков писал по поводу космополитизма, что человек, считающий себя космополитом, то есть не принадлежащим какому-то народу, фактически не признает у себя ни родителей, ни рода. Следовательно, он исторгает себя из мира людей и причисляет к миру животных. Далее Шишков заявляет, что патриотизм сильнее любви к семье и к себе. Отечеством он называет страну, где родился человек, и где лежат кости его предков. А главой Отечества является государь, данный ему богом [16].

Между тем, хотя вторжение Наполеона способствовало единению власти с народом, крестьяне-ополченцы ждали от отца отечества награды – земли и воли. Ростопчину даже пришлось угрожать ополченцам применением военной силы с целью заставить их подчиняться властям и прекратить грабежи помещиков [17].

А.Н. Пыпин [18] писал, что в обществе сформировался патриотизм, суть которого заключалась в самовосхвалении, в желании превосходить других.

В войне 1812 года, как и в любой другой, были две противоположные картины: официальная патриотическая с героизмом и жертвенностью и народная с мародерством, трусостью и предательством. Эта картина из официальной пропаганды исключалась. При этом сам патриотизм интерпретировался участниками войны и властью по-разному. И если власть подразумевала под отечеством государство, монарха и политические институты, то дворяне и офицеры - территорию и живущий на ней народ. Власть же в целом и командиры в частности не рассматривались в качестве патриотического образца. Основой патриотического поведения было право на свободу мысли и защиту чести, а не законы субординации [19].

Соответственно в мирное время патриотизм стал проявляться в желании совершенствовать политическую систему, принести пользу отечеству не только во время войны. Сам народный характер войны способствовал появлению патриотизма гражданского, а не военного. А гражданский патриотизм ставит интересы общества выше интересов власти. Такой патриотизм проявился в идеологии декабристов, изначально желавших помогать правительству в деле осуществления реформ, но после отказа от реформ решивших разрушить власть, неудоб-

ную для отечества.

Власть же в это время стремилась стабилизировать и структурировать послевоенное общество при помощи православной церкви и милитаризма, который со времен Павла I рассматривался в качестве средства противодействия революционной идеологии. И если милитаризм Наполеона делал акцент на эгалитаризме, помогающем объединить и мобилизовать нацию, то российский милитаризм отдавал предпочтение строгой иерархии. Но опыт наполеоновских войн вызвал в России повышенные социальные ожидания. Крестьяне надеялись на освобождение, прогрессивные дворяне – на реформы. Все это несло угрозу режиму [20].

События 1812 года подействовали на общество и на правительство по-разному. В обществе царило политическое возбуждение. Печатались статьи о политической свободе, о свободе печати, о конституции. Иначе эти события подействовали на власть. Результаты преобразований не оправдали ожиданий, а внешние события, в частности Венский конгресс, 1814—1815 годов, на котором была разработана система договоров, направленных на восстановление абсолютных монархий, разрушенных французской революцией и наполеоновскими войнами, оказывали влияние на политику внутреннюю [21]. Если правительство взялось поддерживать восстановление старины и охранять законность на западе, то сложно было продолжать либеральные реформы внутри страны.

Власть и общество расходились все дальше в своем понимании патриотизма. Патриотизм в понимании власти привязывался к консервативным ценностям и был полезен для мобилизации ресурсов на борьбу с врагом. Патриотизм в понимании общества стал угрозой для режима, поскольку с позиций патриотизма стали выдвигаться требования справедливых социально—политических изменений, учитывая понесенные народом жертвы.

В 20-х годах произошла революция в Испании. В России возникали опасения подобных явлений. Поэтому бунт Семеновского полка в 1820 г, хотя в нем и не звучало политических лозунгов, сильно напугал царя [22].

С этого момента впервые в отечественной истории идеология становится важнейшей государственной задачей. Упор делается на политику народного просвещения, которое следовало направить в русло согласия между религиозным сознанием, образованием и политическим порядком. Предметы университетского курса следовало преподавать так: «философия должна руководиться более всего посланиями апостола Павла, начала политических наук должны быть извлекаемы из

творений Моисея, Давида и Соломона и только в случае какого недостатка - из сочинений Аристотеля и Платона; преподаватель всеобщей истории должен был меньше говорить о первоначальном обществе и должен был показать, как от одной пары все человечество развилось; преподаватель русской истории обязан был показать, что при Владимире Мономахе Русское государство упреждало все прочие государства на пути просвещения, и он должен был доказать это законодательством Мономаха о народном просвещении, хотя инструкция не указывала, из каких источников преподаватель должен был извлечь известие об этом законодательстве» [23].

Целью государственного патриотизма становится сохранение стабильности в духе традиционных ценностей и восхваление государства, которое со времен Мономаха опережало все прочие государства. Военные победы в рамках этого патриотизма формируют национальную идентичность: наше дело правое, мы победили, поляков, шведов, французов. Главным действующим лицом в войне объявлялся народ. Сожжение Москвы представлялось героическим жертвоприношением жителей в попытке остановить наполеоновскую армию [24]. Государство переписывало историю, создавая миф о народной, партизанской войне против Наполеона и стирая из национальной памяти поход в Париж. Неслучайно до сих пор мы называем войну с французами «войной двенадцатого года», хотя война продолжалась в 1812 по 1814 г. Но проход от Москвы до Парижа противоречил идее народной крестьянской войны [25].

Подобный государственный патриотизм, установившись в России после войны с Наполеоном, остался практически неизменным на протяжении веков, и в 21 веке стал значительной составляющей массового сознания. Но был ли массовым народный патриотизм в 1812 году, и повлияла ли та война на формирование национального самосознания народа?

Недостаточность письменных источников не позволяет сделать однозначных выводов о крестьянском патриотизме. Но, исходя из вышесказанного, можно предположить, что антифранцузские патриотические настроения крестьян носили не националистический, а традиционалистский характер, где идея защиты православия и идея защиты отечества тесно связаны.

Многие зарубежные исследователи утверждают, что массового народного патриотизма в те годы не возникло, поскольку крестьяне боролись за то, чтобы защитить свою землю, имущество и семьи [26]. Другим мотивом могла являться ксенофобская реакция на вторжение безбожников. Кроме того, намного выраженнее неприязни к французам была укоренившаяся в народной па-

мяти неприязнь к полякам, составлявшим значительное количество наполеоновской армии [27].

В результате в России сложились два противоположных представления об Отечественной войне. Для либеральной части общества, которую представляли декабристы, эта война способствовала достижению зрелости русской нации, которая присоединилась к европейским народам после вступления в Париж. Для этой части общества победа над Наполеоном дала русскому народу право на свободу.

Для консерваторов это был триумф самодержавия, благодаря которому Россия спасла Европу, а Бог выбрал Россию для осуществления нового миропорядка. Эта

концепция, фиксирующая внимание на истории Московского государства, ощущении национальной уникальности и превосходства народа и его духовной связи с режимом, получила широкое распространение среди населения в целом.

Противонаправленность представлений о гражданском патриотизме привела к восстанию декабристов. Хотя следует заметить, что декабристы, увлеченные идеей личных и общественных свобод, предполагали, что свободы достаточно для благоденствия крестьян, не задумываясь о таких экономических составляющих политического порядка, как материальное положение крестьян, обеспечение их труда, их отношение к обрабатываемой земле.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекция 83// <http://www.spnl.nsc.ru/history/kluch/kluchlec.htm>
2. Чарторыйский А: Воспоминания князя Адама Чарторижского Министра иностранных дел Российской Империи/ Издательство: Изд. В. Секачев, 2021 г., с.302
3. Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла...: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. — М.: НЛО, 2004. — 416 с.
4. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века)// М.: Аст, 2020, 640 с.
5. Борисова А.В. Формирование образа врага в русском общественном сознании в период отечественной войны 1812 г//ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА, 2012, №4(20), с. 222-225
6. Манифест о сборе внутри Государства земского ополчения от 6 [18] июля 1812 г. Интернет-проект 1812 г. URL: http://www.museum.ru./1812/War/News_rus/izv015.html
7. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел: В 4 ч. Ч. 2. М.: Тип. Селивановского, 1819, №176
8. Борисова А.В. Формирование образа врага в русском общественном сознании в период отечественной войны 1812 г//Вестник томского государственного университета, 2012, №4(20), с. 222-225
9. Северная почта, №65// <http://kdkv.narod.ru/1812/SevernP.html#67>
10. Манифест о сборе внутри Государства земского ополчения от 6 [18] июля 1812 г. Интернет-проект 1812 г. URL: http://www.museum.ru./1812/War/News_rus/izv015.html
11. Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла...: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. — М.: НЛО, 2004. — 416 с
12. Stites R. Serfdom, society, and the arts in imperial Russia: The pleasure and the power. — New Haven: Yale univ. press, 2005. — XIII, 586 p.
13. Martin A.M. Russia and the legacy of 1812 // Cambridge history of Russia. — Vol. II: Imperial Russia, 1689–1917 // Ed. by Lieven D. — Cambridge, 2006. — P. 145–161.
14. Аксенов В.Б. Война патриотизмов, М.: Новое литературное обозрение, 2023, 488 с.
15. Пыпин А.Н. Общественное движение при Александре I// <https://www.prlib.ru/item/354536>
16. Шишков А.С. Рассуждение о любви к Отечеству // http://az.lib.ru/s/shishkow_a_s/text_1812_rassuzhdenie_o_lubvi_k_otchestvu_oldorfo.shtml
17. Отечественная война 1812 года в современной историографии / под ред. О.В. Большаковой. — М.: РАН ИНИОН, 2012. — 173 с
18. Пыпин А.Н. Общественное движение при Александре I// <https://www.prlib.ru/item/354536>.
19. Аксенов В.Б. Война патриотизмов, М.: Новое литературное обозрение, 2023, 488 с.
20. Отечественная война 1812 года в современной историографии / под ред. О.В. Большаковой. — М.: РАН ИНИОН, 2012. — 173 с
21. Andreev A. La question suisse et la diplomatie de la Russie au Congrès de Vienne // Le Congrès de Vienne et le Canton de Vaud. 1813—1815 (sous la direction d'Olivier Meuwly). «Bibliothèque historique vaudoise. № 144». Lausanne, 2017. P.52-62.
22. Алтаев А., Семеновский бунт: из истории революционного движения 1820 года. — М.; Л.: Молодая гвардия, 1926. — 64 с
23. Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекция 84// <http://www.spnl.nsc.ru/history/kluch/kluchlec.htm>
24. Forrest A., Francois E., Hagemann K. Introduction // War memories: The Revolutionary and Napoleonic Wars in modern European culture / Ed. by Forrest A., Francois E., Hagemann K. — Houndmills, Basingstoke, Hampshire; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2012. — P. 1–37.
25. Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814, М.: РОСПЭН, 2012, 679 с

26. Stites R. Serfdom, society, and the arts in imperial Russia: The pleasure and the power. – New Haven: Yale univ. press, 2005. – XIII, 586 p.
27. Hartley J. The patriotism of the Russian army in the 'patriotic' or 'fatherland' war of 1812 // Popular resistance in the French wars: patriots, partisans, and land pirates / Ed. by Esdaile Ch. J. – Palgrave, Basingstoke, UK, 2005. – P. 181–200.

© Никольская Анастасия Всеволодовна (nikolskaya-av@rguk.ru), Белановская Ирина Сергеевна (1032211236@rudn.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»